

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ЗРЕЛОСТЬ
ТАЛАНТА

В вокальном искусстве, как нигде, важны не просто природные данные или образцованность, но особое чутье слова, артистизм, который предполагает легкость перевоплощения. Нельзя сказать, чтобы этими качествами природа наделила Евгения Нестеренко в избытке. Нет, он воспитал их в себе, упорно, методично. С юности он обладал способностью учиться пытливо, жадно, с юности он постиг огромную радость, которую дает познание.

К музыке как профессии Нестеренко пришел не сразу, мы бы даже сказали — с осторожностью. Сначала он окончил Ленинградский инженерно-строительный институт и стал инженером. Пением молодой строитель занимался в самодеятельности. Педагог Мария Михайловна Матвеева подготовила Нестеренку для поступления в Ленинградскую консерваторию, в класс профессора Василия Михайловича Луканина, когда-то блиставшего на оперной сцене исполнением многих басовых партий.

Впоследствии Нестеренко писал: «Сколько незаметных замечательных жизненных уроков получали те, которым посчастливилось стать студентами класса В. М. Луканина! Удивительная его прямота и честность суждений усугублялись тем обстоятельством, что он всегда говорил о людях за глаза только то, что и в глаза. Никто из нас никогда не видел его раздраженным, невнимательным, усталым... Василий Михайлович притягивал нам трепетное, благоговейное отношение к искусству. Внешний блеск, сопровождающий творческую жизнь, не интересовал его, он всегда был выше этого и в артистической, и в педагогической деятельности». Огромное значение для Нестеренко имело то, что Луканин был и композитором, и художником, и поэтом, — такая разносторонность дарований учителя отвечала пытливости ученика.

Годы учебы в консерватории были для певца трудной школой. В овладение вокалом он перенес ту же упорную основательность, с которой подходил к инженерному делу. Примечательно, что, даже выдвигаясь среди певцов консерватории, он все-таки некоторое время совмещал учебу с работой на стройке.

Бытует немало рассказов о счастливых мгновениях удачи, стремительно выдвинувших безвестных до сей поры артистов на путь славы. Но слепых случайностей не бывает. Когда в начале шестидесятых годов Д. Шостакович, слушая в Ленинградском Малом театре оперы и балета свою оперу «Катерина Измайлова», обратил внимание на талантливого исполнителя небольшой партии священника, Нестеренко был готов к взлету, к славе. Готов и трудовым опытом, и вокальными навыками, полученными под руководством Луканина, и быстрым творческим ростом в коллективе театра, где за короткий срок спел басовые партии в операх «Русалка» А. Даргомыж-

Мы часто говорим о том, что музыку любят все, но редко задумываемся, что слушатель — слушатель — рознь. Есть такие, кто включает транзистор, что бы ни звучало: безразлично, чем наполнить слух. Есть и другие. Ширится круг слушателей особых, способствующих развитию музыкального искусства не меньше, чем композиторы и исполнители, — круг тех, кого музыка действительно учит жизни. Именно такие слушатели заполняют зал на концертах Евгения Нестеренко. С ними у певца — полная духовная общность.

ского, «Трубадур» Д. Верди, «Богема» Д. Пуччини, «Любовь к трем апельсинам» С. Прокофьева.

Отданные Шостаковичем дебютанту для премьеры новые сочинения сразу определили наиболее сильные стороны дарования певца-актера: характерность, сценичность, гибкость, продуманность и точность исполнения. Он становится интерпретатором новых сочинений выдающегося композитора, которые, можно сказать, и пишутся в расчете на Нестеренку, для его голоса.

Напугуемый и поддерживаемый Шостаковичем, молодой певец ставит перед собой цель освоить едва ли не весь басовый репертуар, некоторые баритоновые партии. При этом каждый раз стремится «прочитать» известное по-новому. Подлинное открытие образа Руслана из оперы М. Глинки было сделано Нестеренку, считает главный режиссер Большого театра Б. Покровский. Или князь Игорь в исполнении певца — воин, страдающий от своей вины перед народом. Борис Годунов, «очищенный» от надрыва, величественный в своей трагедии. Неприличный Сальери в опере «Моцарт и Сальери» Н. Римского-Корсакова: завистник, убежденный в том, что служит благу искусства. Правдивые образы современных опер: Григорий в «Тихом Доне» И. Дзержинского, большевик Андрей в опере «Октябрь» В. Мурадела, Кораблев в «Двух капитанах» Г. Шантыря, горец Звямбай в «Похищении луны» О. Тахтакишвили.

Нестеренко не просто исполняет, он буквально исследует каждый образ, привлекая накопленное в поэзии, истории, режиссуре, используя опыт своих предшественников и ничего не утрачивая в эмоциональной непосредственности, достигает обобщенной и драматической глубины. Нестеренко научился словно бы «играть» голосом так, что кажется: вокальных трудностей для него нет. Проникновение в суть, сердце музыки, слияние с ней как-то снимают для него проблемы вокальных неудобств, всегда волнующие певцов.

Ныне его искусство получило мировое признание. Выступления певца в московском Большом театре, миланском «Ла-Скала», нью-йоркском «Метрополитен-опера» проходят с огромным успехом. Его считают крупнейшим басом 20-го века, наследником Федора Шаляпина. Не жертвуя тем, что принято называть хорошим вокалом, Нестеренко,

если можно так выразиться, «поет слово», а не только красивые мелодии. Исключительно богата его образная палитра, с редкой легкостью, с помощью точных, емких штрихов он мгновенно перевоплощается — то в богатыря из русской вольницы, то в героя комиссара, погибающего во вражеском стане, то во влюбленного романтика Алеко.

Хотя Нестеренко успешно поет в операх итальянских, французских авторов, он прежде всего — интерпретатор русской и советской оперной, камерной классики: Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Прокофьева, Шостаковича, Шапорина, Свиридова. Поэтому и назвал его Шостакович «достойным продолжателем новаторских традиций русской вокальной школы».

Закономерно, что в минувшем сезоне творческим отчетом певца явился цикл из романсов и песен Мусоргского: впервые в истории музыкального искусства прозвучали все его 59 вокальных шедевров. Концерты были примечательны еще одной особенностью. Нестеренко вовлек в сферу своих творческих интересов дирижера Г. Рождественского, пианистов В. Постникову и В. Крайнева: они сыграли — и тоже впервые — все фортепьянные сочинения Мусоргского. В ансамбле с певцом выступал дипломант международных конкурсов Е. Шендерович, вот уже двадцать лет исполняющий партию фортепьяно во всех концертах Нестеренко. Наконец, часть вокальной программы выучили и представили ученики Нестеренко — Михаил Крутиков, Ирина Муратова. Рядом с прославленным учителем они не ступевались, не оробели, проявили себя интересно.

Зрелый талант Нестеренко сказался в интерпретации Мусоргского полно и законченно: певец соединил внешнюю характерность с необычайной глубиной проникновения — словно фрески старой России, мощной и трагической, прошли перед слушателями. Это был подлинный триумф исполнителя.

Счастлива судьба народного артиста СССР Е. Нестеренко, выдвинутого ныне на соискание Ленинской премии за исполнение партий Ивана Сусанина в опере Глинки на сцене Большого театра, Бориса Годунова в опере Мусоргского в театре «Эстония», за концертные программы 1977—1980 гг. Его творчество, общественная деятельность — неотъемлемая часть советской музыкальной культуры. Артист — воплощение действия, воли, энергии, наполняющий новизной яркие классические ценности и связывающий традиции прошлые и рождающиеся. Не только певец — просветитель, он служит прекрасному с энтузиазмом и верой в то, сколь много может сделать музыка в деле эстетического воспитания.

С. ХЕНТОВА.

Профессор Ленинградской консерватории.